

КРИТСКАЯ ОПЕРАЦИЯ В ВОСПОМИНАНИЯХ НЕМЕЦКИХ УЧАСТНИКОВ

Сражение за Крит (нем. - *Luftlandeschlacht um Kreta*), получившее кодовое наименование операция *Merkur*, было крупнейшей за все годы ВМВ воздушно-десантной операцией, предпринятой германским командованием. Она началась 20 мая 1941 года с высадки немецких парашютистов на нескольких участках западной части острова Крит. Остров обороняли части войск Британского Содружества и греческих вооруженных сил, в его обороне приняло участие и гражданское население. В первый день операции немцы понесли тяжелые потери, но уже на следующий день из-за проблем со связью у союзников и нерешительности их командования, а также благодаря своим решительным и агрессивным действиям немцы сумели занять аэродром *Малеме*, что дало им возможность перебросить на остров подкрепления и грузы и взять вверх. Главные силы союзников отступили на юг, и больше половины из них были эвакуированы Королевским ВМФ.

Боевые действия происходили на трех участках северного побережья Крита: *Малеме-Ханья/Maleme Chania*, *Ретимно/Rethymno* и *Ираклион/Heraklion*.

Схематическая карта боевых действий на Крите

СЕКТОР МАЛЕМЕ-ХАНЬЯ

Фридрих фон дер Хайдте* (Friedrich von der Heydte, 1907 –1994), командир 1-го Батальона 3-го Парашютного Полка (далее ПП):

Появился сигнал: «Приготовиться к прыжку!» Все поднялись и начали цеплять карабины [вытяжной веревки] к трося-удлинителю, протянутому вдоль фюзеляжа самолета. Пока мы стояли, стало заметно, что мы теряем высоту, и давление воздуха усилилось почти до боли в ушах. Поступил приказ: «Готовность номер один!» В два шага я подошел к двери - мои люди вплотную следовали за мной, и ухватился за вертикальные поручни по обе стороны от нее. В лицо ударил воздушный поток, и мне показалось, что мои щеки затрепетали, словно небольшие флаги на ветру.

Неожиданно, откуда ни возьмись, в воздухе появились маленькие белые облачка. Они выглядели достаточно невинно, словно комочки ваты, поскольку рев самолетных двигателей заглушил грохот разрывов снарядов вражеских зениток.

Подо мною была деревня Аликианос/Alikianos. Я мог видеть людей на улицах, рассматривающих нас, подняв головы, другие бежали и исчезали в дверных проемах. Тени наших самолетов проносились словно призраки над залитыми солнечным светом белыми домами, в то время как за деревней поблескивало большое зеркало – водохранилище, к которому будто осенние листья плавно спускались одноцветные парашюты.

Наш самолет сбавил скорость... «Пошел!» Я оттолкнулся руками и ногами, выбросив вперед руки, словно пытаясь ухватиться за черный крест на крыле. А потом меня подхватил воздушный поток, и я винтом полетел вниз, пока воздух с ревом врывался мне в уши. Затем неожиданный рывок над стропами, мне сдавило грудь и выжало воздух из моих легких, и после этого я, взглянув вверх, увидел над собой раскрывшуюся шапку парашюта...

В оливковой роще, в которую я опустился, было очень тихо, почти умиротворенно. Помимо гула летящих самолетов никаких других звуков не было – ни человеческих голосов, ни даже винтовочных выстрелов. Странное чувство – быть сброшенным на чужую землю без приказа завоевать ее... Я автоматически посмотрел на наручные часы – было точно 07.15 утра, 20 мая 1941 года.

На земле

По-видимому, я был один, совершенно один. Я не видел вокруг никаких солдат, вообще никакого движения, кроме сотен парашютов, все еще находившихся в воздухе.

Фон дер Хайдте пошел через оливковую рощу к группе белых домов у дороги Ханья – Агия/Агуа, которые планировалось использовать для размещения батальонного штаба.

Я быстро сориентировался и зашагал, словно убегая от чего-то непонятного, туда, где намеревался выйти к дороге. Через несколько сотен ярдов я увидел впереди себя живую ограду из кактусов и агав, поэтому заторопился, пробрался через эту ограду и оказался на пустынной, пыльной дороге. Я разглядел между деревьями белую стену в нескольких сотнях ярдов от себя. Это, решил я, и есть тюрьма... и подошел к стене. И тут, неожиданно, до меня донесся гул мотора – не натужное рычанье транспортника, а звук, больше похожий на сирену, после чего ожесточенно затрещал пулемет. Я автоматически бросился в канаву – глубокую, бетонированную, ограничивающую большое кукурузное поле, и в этом момент немецкий истребитель, изрыгающий огонь из всех стволов, пронесся на высоте несколько футов надо мной. Поток пуль поднял фонтанчики пыли над дорогой, сами пули, срикошетив, с визгом улетели. Затем призрак исчез так же неожиданно, как и появился. Он высоко взмыл в небо и исчез над оливковыми рощами туда, где, как я думал, находится Ханья. Итак, первые выстрелы, нацеленные в меня в ходе этого сражения, были выпущены моим соотечественником! Никто не подумал о том, чтобы выпложить опознавательные сигналы столь быстро, сразу после высадки, и летчик-истребитель, чьей задачей была поддержка нашей атаки, не мог представить себе, что эта расслабленная фигура, бредущая в столь небоевой манере посреди дороги, является командиром немецкого батальона...

Я услышал совсем рядом с местом, где я залег, в зарослях кукурузы, шуршащий звук, словно кто-то полз по земле. Я задержал дыхание и нащупал пистолет, но, прежде чем я успел вытащить его, в нескольких ярдах от меня из-за кукурузы появилась пара коричневых перчаток, а потом, очень осторожно, немецкая каска. Она принадлежала

одному из моих сержантов, который с большими предосторожностями, чем я, подбирался к стенам тюрьмы...

Добравшись до тюрьмы, Фон дер Хайде обнаружил, что ее железные ворота открыты и что пулеметчики его батальона держат дорогу под прицелом: «Они были в отличном расположении духа, с прыжками было покончено, высадка прошла успешно и, казалось, самое худшее было позади.»

Рихард Штатетцни (Richard Statetzny):

Мы были в первой волне, и планировалось, что мы будем прыгать над дорогой между городами Аликианос/Alikianos и Ханья/Chania неподалеку от тюрьмы. Мы были на подходе к точке сброса, когда попали под сильный огонь и понесли первые потери. Еще один момент: в то время мы не могли управлять нашими парашютами или контролировать их, потому что у них были только стропы подвески, так что парашюты сильно виляли. Сейчас люди могут управлять своими парашютами, но у нас такой возможности не было.

Я никак не мог маневрировать и приземлился на какую-то крышу, а мой приятель – на крышу соседнего здания. Я сильно ударился, и меня здорово встряхнуло. Потом я спрыгнул на парапет, который был метра на два ниже. Под ним стояла лошадь, запряженная в телегу, полную апельсинов. По-видимому, фермеры встали довольно рано в то утро, чтобы собрать апельсины. Спрыгнул с парапета, но оказался не на земле, а посреди кучи апельсинов. Тут же показались греки с поднятыми руками: они сдались нам прямо на месте. Наша часть не встретила никакого сопротивления.

Мы собрались у тюрьмы. Я привел с собой фермерскую лошадь, и, поскольку я умел ездить верхом, наш полковник немедленно назначил меня своим вестовым. Я получил приказ отвезти послание в одну из рот с приказом удерживать позиции любой ценой, так как англичане яростно атаковали. По пути к КП этой роты англичане подстрелили лошадь прямо подо мной. По счастью, у меня не оказалось ни одной царапины, но лошадь была тяжело ранена, так что мне пришлось пристрелить ее. Мне удалось поймать еще одну лошадь, которая бегала неподалеку без присмотра. Поехал на ней, но и ее подстрелили, так что пришлось дальше идти на своих двоих.

Доложившись полковнику, я получил разрешение возвращаться в свою часть. После этого мы схватились в ожесточенном бою с англичанами, которые упорно оборонялись. На самом деле, это были новозеландцы, хорошо вооруженные. У них даже танки были. У нас их не было, так что было горячо... Был момент, когда мы израсходовали все свои боеприпасы, и нам было необходимо поднести их с нашего склада, который мы организовали в здании тюрьмы. Там же был и наш перевязочный пункт, поэтому мы решили заодно посмотреть, как там дела у наших двух раненых парней. В камерах тюрьмы мы увидели раненых англичан и немцев, часто они лежали вместе в одном помещении, ухаживали за ними немецкие санитары. Врачам приходилось делать много ампутаций. Поскольку времени у них было мало, санитары просто сваливали отрезанные конечности на лестнице прямо напротив операционной. Выглядело это шокирующее, поскольку кровь текла вниз по лестнице. Было уже трудно сказать, каким изначально был цвет халатов у медперсонала, поскольку они все были в крови...

Карл Нойхофф (Karl Neuhoff, 1915-2001, на фото слева), 2-й Батальон, 3-й ПП:

Как только мы покинули транспортники, нас встретил исключительно плотный ружейно-пулеметный огонь. Парни из моего самолета понесли особенно тяжелые потери, и только трое из нас приземлились целыми и невредимыми... Выжившие собрались близ тюрьмы – там мы перегруппировались, собрали снаряжение и заняли позицию для атаки вверх по склону высоты, в северном направлении – на Галатас.

Рихард Кинцен (Richard Kienzen), 11-я Рота, 3-й Батальон, 3-й ПП:

Лейтенант Юнг (Jung), мой ротный командир, был убит. Я был ранен, находясь в воздухе (пуля попала между локтем и плечом). Я приземлился в оливковое дерево и снова был ранен. После этого моя рука уже не работала. Я остался висеть на ветках, абсолютно беспомощным, и тогда меня взяли в плен британцы.

Хельмут Венцель (Helmut Wenzel), на рисунке справа), обер-фельдфебель, 9-я Рота, 3-й Батальон 3-го ПП, приземлился в районе Высоты 107:

Я прыгал первым. В тот момент, когда раскрылся мой парашют, я услышал треск. Пули! Британцы тепло встретили нас. Я был прямо над ними и видел шестерых томми (обычное среди немцев прозвище британцев – ВК), которые стояли впереди по мне огонь. «Собаки! - подумал я. – Погодите, дайте приземлиться.» Я расстегнул набедренные лямки, что дало мне возможность добраться до пистолета. Непосредственно перед тем, как приземлиться, я получил пулю в грудь. Она прошла над моим правым предплечьем и вышла рядом с сонной артерией. Плечевые ремни, комбинезон, ремешок бинокля – все было разорвано, разнесло футляр моей Лейки. Я мягко приземлился в винограднике, до британцев не было и тридцати метров...

Я открыл огонь из пистолета по двум томми, они повалились, другие залегли. Это дало мне время окончательно избавиться от парашюта. Я залег в небольшой рыхлой почве. Мой рюкзак и фляга торчали над землей и были изрешечены пулями. Стрельба утихла, потому что томми решили, что я мертв. Я уполз оттуда. Где мое отделение? Мне нужно было сбратить людей вместе... В отчаянии я поднялся и прокричал: «Третье отделение, все сюда!» По мне немедленно открыл огонь пулемет, и меня зацепило. Стреляли лучше, чем у [форта] Эбен-Эмаль! Пуля прошла через мою каску, порвала кожу и задела череп. Я заставил себя не терять сознания. Мои товарищи услышали мой крик, и четверо из них подобрались ко мне... Глонельд (Gloneld) перевязал меня и вымазал бинты грязью, чтобы замаскировать их. Вокруг свистели пули, и одна из них пробила мой ботинок.

Немецкие парашютисты в районе аэродрома Малеме

Потом мы атаковали противника гранатами и вынудили его отступить. Теперь они не смогли бы подойти к нам достаточно близко, чтобы понять, какое малое число парашютистов им противостояло... Самым плохим для нас было то, что мы не могли добраться до наших контейнеров! Один лежал неподалеку; мы поползли к нему, но оказалось, что в нем находится батальонное коротковолновое радиооборудование. Правда, там еще были винтовка и шмайсер. Это убыточно уже что-то, потому что до этого нам приходилось драться только с помощью пистолетов и гранат.

Венцель и его люди провели большую часть дня, заняв оборонительную позицию в воронке от авиабомбы. Позднее он вспоминал о том, что «жара была ужасной, и наша одежда была слишком теплой – вот где была нужна вода во флягах! Мы жевали виноградные листья, они были немного горькими, но в них была влага. Но не было такого момента, чтобы мы думали о сдаче в плен.» Он, как и многие другие, критиковал тех, кто послал людей в бой со снаряжением, предназначенным для климата северной Европы. Пищевые рационы тоже оказались никуда не годными, расплавившись и превратившись в жидкую малоприятную мешанину.

Судя по докладу 11-го Воздушного Корпуса по результатам боев, сброс оружия и боеприпасов в контейнерах был ошибочным решением: «Те парашютисты, которые высадились в долинах и не пострадали, не имели возможности собраться в группы или заняться поиском контейнеров. Значительная часть контейнеров попала в руки противника, который немедленно нашел применение [захваченному] оружию...»

Многим парашютистам удалось собраться в небольшие группы и вступить в бой. Вспоминает **Вилли Маэ (Willi Maue)** и 6-й Роты 2-го Батальона 3-го ПП:

После довольно долгого марша я набрел на небольшую группу наших. Теперь я был среди тех, кто уцелел, и мы быстро сформировали боевой отряд и пошли в атаку. Прошло время, было уже ближе к полудню, и мы нашли остальную часть нашей роты... Потом, во второй половине дня, – остальную часть батальона. Наша группа из семи человек оказалась довольно сильной боевой единицей, которая могла функционировать несмотря на потери. Мы находились в обороне и потеряли несколько человек убитыми и ранеными под сильным огнем артиллерии противника...

Немцы, убитые в первый день боев в районе аэродрома Малеме

Рудольф Витциг (Rudolf Witzig, 1916-2001, на фото слева), гауптман, командир 9-й Роты

3-го Батальона 3-го Полка, получивший тяжелое ранение еще в воздухе: «Мне повезло: я был подобран нашими солдатами через полтора дня и доставлен в полевой госпиталь.» Из 500 солдат и офицеров его батальона 400 были убиты или ранены, погибли командир батальона, майор Шербер (Scherber), и его адъютант, капитан Хайнц (Heinz). «Все думали, что парашютисты способны добиться всего и что они и с этим справятся. Но подготовились мы плохо. Нас сбросили в неправильном месте ... неверно был рассчитан ветер, и многие парашютисты приземлились на воду и утонули. Ничего не было известно о расположении оборонительных позиций [британцев] и их численности. Все приходилось выяснять уже на земле.»

Район города Кастелли/Kastelli (около 20 м к западу от Малеме)

Лейтенант Мюрбе (Mürbe) с усиленным взводом 6-й роты 2-го Батальона получил задание провести рекогносцировку, атаковать, если город обороняется небольшими силами, и занять его. Если в обороне будут встречены значительные силы противника, он должен был отступить на высоту к югу от Кастелли и дожидаться прихода моторизованных сил.

Парашютисты не сумели реорганизовать свои силы и оказались под атаками греков и критян, советником которых был новозеландский майор Беддинг (Bedding). Атакующие взяли штурмом здание фермы, в котором закрепились немцы, и только Беддинг сумел остановить избиение парашютистов. В плен было взято 17 немцев, четверо из которых умерли от ран. Вспоминает парашютист **Курт Паули (Kurt Pauli)**: «На пути в город у нас отобрали все снаряжение и все ценное. Особенно жестоко обращались с нами местные жители: они били нас и плевали в нас. За исключением одного или двух человек, греческие и британские солдаты вели себя корректно. Нас заперли в небольшую камеру муниципальной тюрьмы, дали хлеб, воду и лимоны.»

Район Тюремной Долины/Prison Valley

Вальтер Вахтер (Walter Wachter), обер-фельдфебель, пилот планера:

20 мая, Афины... Буксирующие самолеты первой группы из трех машин, идущих бок о бок (Kette – цепочка (нем.)) находятся передо мной. Огромное облако красной пыли повисло над аэродромом. Через 15 минут моя Kette была готова к вылету, каждый планер с восемью десантниками на борту. Юнкерсы выкатились вперед, были закреплены буксирные тросы, и пыль еще не осела, когда поступил сигнал на взлет... Мы медленно поднялись в воздух.

Каждый погрузился в свои собственные мысли. Мы пролетели мимо Пелопонесского полуострова – теперь перед нами было открытое море. Это был спокойный полет в первых лучах рассвета. Неожиданно самолет-буксир справа от нас вырвался вперед. За ним тянулся трос, но планера уже не было. Нас осталось человек 20 – маловато. Мы видели множество грибообразных белых облачков под нами: это работали бомбардировщики, готовившие плацдарм. Вокруг были мелкие дымные облачка от разрывающихся зенитных снарядов.

Все было совсем по-другому по сравнению с операцией [над Коринфским каналом](#). Там мы летели совершенно скрытно, без предварительной бомбардировки места высадки, в ранние утренние часы, когда англичане ничего не знали об этом. Нельзя сравнивать вторжение на Крит с этой более ранней операцией. Само собой, нам никто не говорил о том, что вторжение на Крит с воздуха повлечет колоссальные потери, но мы все чувствовали это. По-другому и быть не могло, когда атакуешь такую большую цель с воздуха безо всяких резервов.

В какие-то моменты я видел полосу суши – она была чертовски узкой и круто опускалась к морю. Кое-какие заросли кустарника и деревьев, живые изгороди блокировали участок высадки. Вскоре мы были близко к нему, но все еще слишком высоко. Слева от нашего участка была сухая долина, вытянутая с юга на север к пляжу. Нам было необходимо двигаться быстро: мы не могли позволить себе стать целью для огня с земли. Теперь все происходило очень быстро. После нескольких маневров передо мной уже была земля. Вроде, никакого пулеметного огня, но тут они вступили в бой. Под нами были не только террасы, но и живые изгороди на них: мы пролетели над ними, почти касаясь земли – одну, вторую, третью, а потом «бух», и мы приземлились на кусты. Левое крыло зацепилось за дерево и отвалилось. Планер тряхнуло, и он остановился. Никто не пострадал: мы все выбрались наружу.

Второму планеру повезло меньше: он уперся в откос террасы и остановился с заданным вверх носом. Люди получили травмы, и теперь готовыми к бою было человек десять из тридцати. Отряд был готов к бою очень скоро, но быстро попал под огонь противника, я был ранен, а восьми моим товарищам, как поется в песне десантников, «солнцу уже было не улыбнуться никогда».

Вспоминает лейтенант Гренц (Grenz) из планерного десанта:

[Я был] над целью вовремя, однако мы оказались на слишком большой высоте (более 500 метров). Нам пришлось сделать круг над вражеской [зенитной] батареей. Когда мы приблизились к побережью, мы уже были под огнем зениток, а когда мы были уже к юго-востоку от Ханьи, их огонь усилился. Два самолета [планеры 3 и 6] разбились, будучи поврежденными огнем с земли...

Гренцу удалось собрать отряд из 24 человек, который оказался прижатым к земле огнем британцев и уже вскоре был вынужден отбивать атаку за атакой. Гренцу давно было понятно, что поставленная перед ним цель на тот момент была недостижима:

Продвижение к пункту размещения радиостанции – нашей цели – было невозможным: наши потери были слишком тяжелыми, и англичане беспрерывно нас атаковали. Так же невозможно было сокрушить позиции с ротой Альтманна (Altmann). Ханья была занята противником, и безо всякой надежды смыть вражеские позиции, я решил присоединиться к частям 3-го Полка, находившимся к юго-востоку от нас.

Слева – десантник покидает удачно приземлившуюся планер; справа – из числа тех, кто высаживался на этом планере, шестеро погибли

Отступив через оливковые рощи и подобрав по дороге десятерых потерявшихся парашютистов, Гренц решил, что «наилучшим вариантом будет прорыв на юг. Мы не могли продолжать бой с учетом того, какими силами располагали британцы, и нам пришлось бросить все оружие, кроме автоматов, гранат и пистолетов. Мы проползли пять километров на юг по канавам ... , и наши разведчики натолкнулись на позицию, занятую штабом какой-

то британской части. Там было много часовых, и мы не могли обойти их. Я решил просочиться через эту позицию. На случай, если нас заметят, надо было постараться прикинуться англичанами. Благодаря моему знанию языка, я смог заговорить с часовым... Пока я говорил, рота воспользовалась этим и растворилась на местности...»

К югу от Галатаса, 2-й Батальон, 3-й ПП

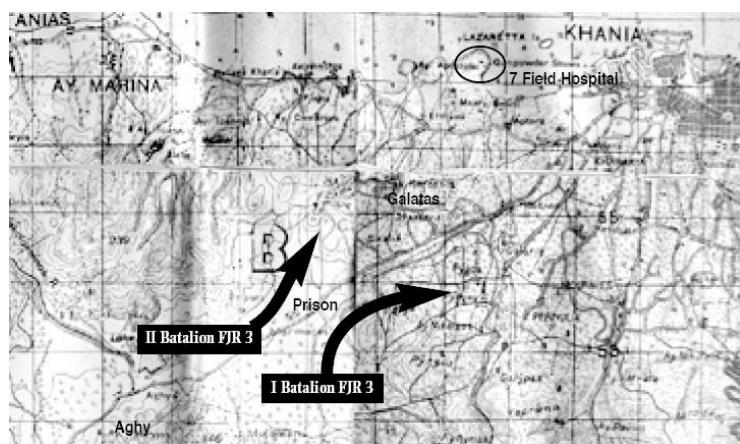
Несмотря на потери парашютисты лейтенанта НойхоФфа собрали оружие из контейнеров и начали продвижение на север, в сторону Ханьи.

Слева – парашютисты укладывают боеприпасы в контейнер; справа - парашютист рядом с оружейным контейнером после приземления...

Вспоминает обер-фельдфебель Тайхманн (Teichmann):

После полудня, между 15.00 и 16.00, мы выдвинулись вперед, чтобы атаковать высоту, на которой находился Галатас (это была одна из высот, британцы называли ее Pink Hill – ВК). Мы прошли, не встречая сопротивления, около половины пути вверх по склону. Неожиданно мы попали под сильный и точный ружейно-пулеметный огонь. Противник долго не открывал стрельбу, проявив исключительную дисциплинированность, и дал нам подойти на близкое расстояние. Наши потери были очень тяжелыми, и мы были вынуждены отступить, оставить позади многих павших. Эта первая атака на Галатас стоила нам 50% личного состава, половина из которых была убита.

Направления атак 1-го и 2-го батальонов 3-го ПП в направлении Галатаса и Ханьи

Фон дер Хайдте о первой атаке 1-го Батальона в направлении Ханьи:

Мы не прошли и сотни метров, когда открыл огонь пулемет, находившийся напротив... В воздухе засвистели винтовочные пули, но мы по-прежнему ничего не могли разглядеть... Разведчики осторожно выдвинулись вперед, вверх по крутому склону,

поросшему густым кустарником, пока не увидели ниже себя расположение вражеской пушки. Они даже слышали, как британские солдаты разговаривают друг с другом, готовясь открыть огонь.

Командир разведчиков дунул в свой свисток, и они рванулись вперед, бросая на ходу гранаты. Застыгнутые врасплох артиллеристы бросились наутек в поисках укрытия, после чего немцы захватили их пушку. Им не удалось добраться до второй пушки: британцы встретили их огнем из винтовок и автоматов. Тем временем к первой пушке подъехала машина, расчет выбрался из укрытий, прицепил ее к буксирному крюку, и машина укатила, оставив двоих убитых и боеприпасы. Парашютисты возобновили продвижение вперед, но вскоре попали под огонь из одиночного здания.

Трофейная пушка! Несколько парней подкатили ее, унтер-офицер зарядил ее, навел на здание и сделал выстрел. Снаряд упал где-то рядом с целью, и британцы ответили беглым огнем. Следующий снаряд угодил в крышу. Парашютисты с криками бросились в атаку. Только после ожесточенного рукопашного боя, понеся потери, они сумели преодолеть сопротивление противника, и, когда они наконец захватили здание, в нем не осталось ни одного его защитника, который не был ранен.

В плен попали около двадцати греческих солдат – остатки 6-го Греческого Полка. Некоторые из них выглядели угрюмо, не стараясь скрыть свою ненависть к нам, другие казались испуганными, словно думали, что пробил их час...

Тем временем 1-я Рота оказалась в трудной ситуации, столкнувшись с сильным сопротивлением.

Я отправился в путь с моим вестовым, чтобы найти 1-ю Роту... Когда мы подошли к линии огня, рядом с нашими головами просвистели пули, и пулеметная очередь подняла пыль ядрах в десяти перед нами. Потом мы увидели солдат из 1-й Роты. Они залегли в неглубокой канаве, идущей вдоль края оливковой рощи, за которой было открытое поле. Мы пробежали последние несколько ярдов, залегли за деревьями и соскользнули в эту канаву... наши парни были прижаты к земле огнем, по меньшей мере, двух пулеметов, и пока никто не знал, где они находятся. Идущая слева дорога и глубокий овраг были хорошо пристреляны противником.

Парашютисты в укрытии в ходе продвижения вперед...

Минометное отделение, сопровождаемое командиром 4-й Роты, подошло уже вскоре, и пока два ствола устанавливали на позиции, я прополз вперед с командиром роты, чтобы разглядеть цели. Мы так ничего и не нашли, тщетно взглядываясь в оливковую рощу напротив нас и высоты слева от нас через бинокли. Британцы, с другой стороны,

должно быть, имели лучший обзор, чем мы, так как дождь из пуль немедленно осыпал землю перед нами. Мы, не теряя времени, отползли назад...

Немецкие минометчики

Потери роты росли. Со всех сторон доносились крики о помощи, кто-то звал санитаров с носилками. Человек, находившийся рядом, неожиданно обмяк, лег грудью на свою винтовку и затих. Еще один, с пепельно-серым лицом, подполз к нему, чтобы перевязать его раны... Неожиданно прогремел оглушающий взрыв, и где-то за нами поднялся фонтан земли и камней. К нашей позиции начали пристреливаться британские артиллеристы, и мы все еще не могли понять, где они.

В конце концов Фон дер Хайдте разглядел какое-то движение рядом с одиноко стоявшим белым зданием и, по меньшей мере, пару солдат. Минометы 4-й Роты вступили в бой, и артобстрел прекратился: вероятно, британские передовые наблюдатели были вынуждены отойти. Инициатива стала переходить к 1-му Батальону.

Несмотря на огонь противника до этого момента я не испытывал страха. Меня раздражал их огонь, потому что он прижал нас к земле и остановил нашу атаку, но мыслей о том, что меня может зацепить, у меня не было. Тем не менее, теперь, когда я видел, как один из моих ротных командиров лежит с тяжелым ранением у края рощи, а его заместитель перебегает с мокрым от крови рукавом через дорогу, я неожиданно почувствовал, как страх закрадывается в мое сердце. Он буквально закрадывался. Я чувствовал, как он поднимается откуда-то из желудка... Тщетно я пытался стиснуть зубы и привести себя в чувство. Я вцепился в землю и вдавил в нее свое тело..., и тут вражеская артиллерия снова открыла огонь. Снаряды падали на оливковую рощу, осколки летели во всех направлениях. Позади себя я услышал голос: «Прямое попадание в один из минометов. Двое раненых.» Определенно, мы были в центре мишени.

Под сильным артогнем стало ясно, что 1-й Батальон не сумеет продвинуться прямо по долине. Однако тем временем 3-я Рота встретила менее сильное сопротивление на правом фланге, но перед тем, как Фон дер Хайдте смог воспользоваться этим, произошло следующее:

«Танки!» - прокричал кто-то... Мы услышали грохот и скрежет гусениц где-то на дороге напротив нас. Люди напряженно смотрели вперед. Затем из-за поворота, метрах в 150 от нас, появился небольшой танк с экипажем из двух человек. Пулеметы, которые прижимали нас к земле, все еще не были видны, но вид этого танка избавил нас от половины страхов. Звуки, издаваемые его гусеницами, были страшнее, чем он сам. Он навлек на себя весь наш огонь, но, тем не менее, продолжал ползти в нашу сторону и

подкатил ярдов на пятьдесят, когда раздался неожиданный, раздирающий уши взрыв. Танк мотануло, он съехал в сторону и остановился у телеграфного столба. Люди продолжали стрелять по нему еще какое-то время, но постепенно сообразили, что он был подбит нашим 37-мм снарядом.

Парашютисты в атаке...

В ночь с 20 на 21 мая [генерал Штудент](#) (Kurt Student) принял решение сосредоточить все усилия на Малеме:

Это было серьезное решение. Я решил бросить в бой всю массу резервов в бой за аэродром Малеме... Если бы противник предпринял массированную атаку в ночь с 20-го на 21-е или утром 21-го, крайне утомленные, уцелевшие в боях люди из полка Штурма (Alfred Sturm, 1888-1962, командир 2-го Парашютного Полка), лишенные боеприпасов, были бы раздавлены...

Во второй половине дня 21 мая на Малеме начали садиться транспортные самолеты Ju-52 с подкреплениями и грузами. Вспоминает обер-лейтенант **Фриц Россенхауэр** (Fritz Rossenauer) из 100-й Горной Бригады:

Мы летели к Криту! Тихо, никакой турбулентности, на малой высоте... Побережье Крита перед нами – вот так вот! Зенитки открыли огонь, приветствуя нас. Мы могли видеть небольшие светлые шарики вокруг нашего Ju-52. Самолеты снизились и приготовились к приземлению. Бортстрелок выпускал по противнику один магазин своего пулемета за другим.

Аэродром находился у берега моря, казалось, на нем не было никаких препятствий для нас. Три Юнкерса из первой волны приземлились, подняв огромные облака пыли, обозначив, таким образом, посадочную полосу. Она оказалась слишком короткой, и сквозь пыль ничего не было видно. Мы были уже на краю. «Держитесь крепче, - прокричал пилот. Мы приземлились превосходно! Через несколько секунд он вывернулся самолет вправо и остановил его. Мы выгрузились незамедлительно.

Грохот снарядов и гул моторов слились воедино. Наш самолет сразу же попал под огонь артиллерии и пулеметов. Из баков хлынула бензин. Загорится он или нет? Мы разгрузили ящики и мотоциклы. Все прошло хорошо, но, к сожалению, было уже поздно. Наш Юнкерс был сильно поврежден и не мог взлететь. Рядом с самолетом был ранен командир батальона – он был вывезен из-под обстрела на мотоцикле. Трудно было поверить, но внутри самолета никого не зацепило.

Наши самолеты садились один за другим, некоторые из них на брюхо. Пилоты ничего не видели из-за пыли. Разбитые Юнкерсы быстро заблокировали посадочную полосу, и стало невозможным ее использование (на фото слева – разбитые при посадке Юнкерсы). Половина самолетов не могла сесть и кружила над аэродромом, обстреливая противника. Многие из них приземлились на пляже под вражеским огнем, но пляж не подходил для наших тяжелых машин. Однако мы, стрелки, были на поле боя, и это было самое главное.

Немецкий военный корреспондент **Курт Неер (Kurt Neher)** находился на борту одного из Ju-52, совершившего аварийную посадку:

Люди, контейнеры с грузами, спасательные жилеты, боеприпасы – все это бросило вперед ... на несколько секунд мы полностью потеряли контроль за своими телами. Потом Юнкерс остановился, наполовину встав на нос... Всего два часа назад мы валялись в тени наших самолетов на континенте, а теперь по нам со всех сторон вели огонь.

Одновременно с переброской подкреплений транспортниками был осуществлен сброс еще двух рот парашютистов, которые снова понесли тяжелые потери. Вспоминает **Франц Рциха (Franz Rziha)** из 5-й Роты 2-го Батальона 2-го ПП:

По обе стороны мы могли видеть сопровождающие нас Ме-110. Непосредственно перед прибытием на место мы пролетели к западу от островов Святых Фёдоров/Agioi Theodoroi. Это оттуда по нам открыли огонь зенитки. Мы слышали стрельбу и видели, как снаряды пробивают корпуса наших Юнкерсов. Перед нашими глазами два поврежденных Юнкерса развернулись и ушли в сторону континента. У одного из них горел двигатель, у другого был поврежден фюзеляж.

Разбитые при посадке транспортные самолеты...

Сигнал «Приготовиться». Батарея легких зениток обрушила на самолеты всю свою мощь. Сигнал «Пошли». Сброс высоты 70 метров был прыжком в ад. Мы выбросились где-то позади англичан и новозеландцев в виноградник близ Пиргоса/Pyrgos. Пули свистели со всех сторон. Сложилось впечатление, что нас ждали и что по нам ведут стрельбу с оборонительных позиций, но мы должны были сделать свое дело. Много товарищей было убито и тяжело ранено, и они все еще были пристегнуты к своим парашютам. Оказавшись на земле, мы слышали крики раненых, просивших прислать

санитаров, но их не было. Сначала люди кричали громко, потом стало тише, а потом все стихло.

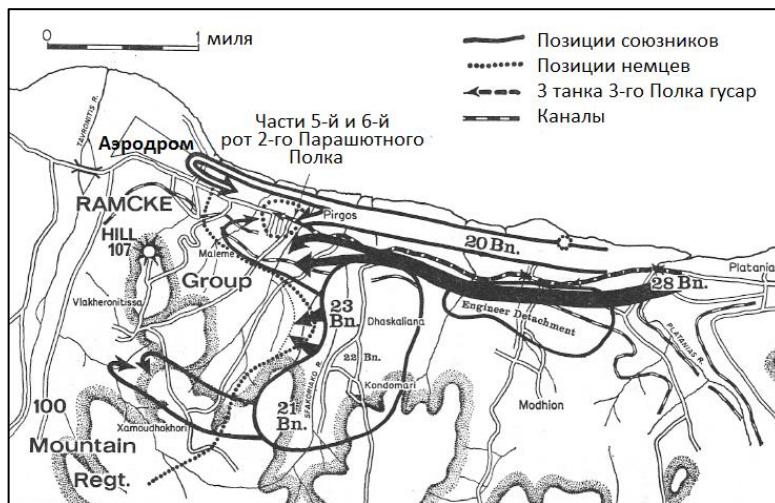
Выжившие определили для себя ключевой пункт сопротивления противника и стали продвигаться к высоте, откуда по нам, в основном, и вели огонь.

Вечерний десант второго дня боев стал катастрофой и мало помог силам вторжения. В Журнале Боевых Действий Горной Бригады можно прочесть следующее: «Вечером второго дня ситуацию была как на лезвии бритвы. Если бы 2-й Батальон 100-й Горной Бригады высадился с небольшими потерями, оборона аэродрома Малеме усилилась бы значительно, но сильная, массированная контратака британцев могла вынудить его защитников сражаться на пределе возможностей.»

Утренняя контратака британцев 22 мая. Вспоминает один из солдат 5-й роты 2-го ПП:

22 мая, на рассвете, части 28-го Батальона (Маори) атаковали нас. Наступая с востока, с трех разных направлений, противник дважды подходил очень близко, иногда он был уже в нескольких метрах от нас, мы отчаянно сопротивлялись, но у нас кончались боеприпасы. Противник отступил, чтобы перегруппироваться и пойти в третью атаку. На наши окопы обрушился сильный минометный огонь, что дало врагу возможность подойти вплотную. Мы расстреляли все патроны. Наш пулеметчик был смертельно ранен осколками гранаты - он стал последним погибшим в бою за Пиргос.

Началась последняя атака. Пьяный маори со штыком наперевес приближался ко мне. Я видел его, и до меня донесся запах спиртного. У меня в руках был мой Р08 (парабеллум), но патронов в нем не было. Я уже чувствовал, как мне в живот вонзается штык, но в последний момент молодой офицер встал между нами и оттолкнул винтовку этого парня-маори в сторону. Он взял меня за плечо и сказал ободряюще: «Come on, boy.» Я был спасен!

Направления атак союзников 21-22 мая 1941 года в попытках отбить аэродром Малеме

Наши враги пустили по рукам фляги с водой после того, как вытащили моих товарищей из стрелковых ячеек. Вскоре после этого подошел старший офицер. Он оглядел нас и спросил по-немецки: «Где остальные?» Мы пожали плечами, и один из нас ответил: «Тут все мы.» Офицер постоял напротив нас, заглядывая каждому в глаза, потом отсалютовал и сказал: «Все в порядке, парни.»

Однако это был лишь локальный успех союзников ...

Пока 22 мая новозеландцы старались продолжить свои атаки в направлении аэродрома Малеме, немецкие транспортники с грузами и остальными частями 100-го Горного Полка полковника Утца (Willibald Utz, 1893 – 1954, на фото слева) и 1-го Батальона 85-го Горного Полка садились на посадочную полосу каждые 20 минут. Стало очевидно, что немцы прочно удерживают аэродром в своих руках. Наступил переломный момент в сражении за Крит.

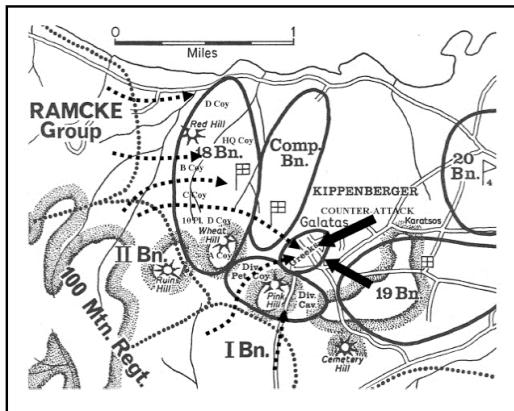

Слева - немецкие техники закрепляют 37-мм противотанковую пушку в подбрюшье Ju-52 перед отправкой на Крит; справа - 37-мм пушка в бою...

Вечером 22 мая горные стрелки начали 10-мильный марш на восток. Располагая обычными и полугусеничными мотоциклами и мулами для перевозки тяжелого оружия и боеприпасов, горные стрелки чувствовали себя в своей тарелке, хотя и на них оказывала гнетущее воздействие критская жара и многое пришлось нести на себе и стрелкам, и минометчикам. Вспоминает ефрейтор **Карл Мейер (Karl Meyer)**:

Первую ночь на Крите мы окапывались на Высоте 107, весь день вели бой, а потом, на вторую ночь, тронулись в путь. Я уставал больше, чем когда-либо, и, неся на себе полную боевую выкладку, изнемогал от жары. Холмы были сухими, воды тут не было, и наше продвижение вперед замедлилось. Когда мы поднимались на высоты, были парни, которые выпадали из колонны из-за непривычной жары. Людям из минометной роты, которым мы обычно завидовали, потому что у них были машины, теперь приходилось тяжелее, чем нам.

25 мая немцы заняли господствующие над прибрежной равниной высоты Галатас на западных окраинах Ханьи, в 15 км к востоку от Малеме. Судьба сражения за Крит была решена.

Слева – карта продвижения на восток горных стрелков и парашютистов (на тот момент последними командовал полковник Рамке (Hermann-Bernhard Ramcke, 1889-1968); справа – пулеметная позиция горных стрелков на господствующих высотах Галатас

Фон дер Хайдте. 28 мая 1941 года

Халепа/Halepa (пригород Ханьи), расположенная на побережье, избежала бомбёжек, как доложили наши разведчики, поэтому мой адъютант разумно предложил переместить туда наш штаб. «Сражение за Ханью закончилось, - сказал он. – Начинается битва за комфортабельное жилье.» Я согласился с этим предложением и выбрал для своего штаба небольшую виллу на берегу, рядом со зданием, в котором ранее размещалось британское консульство. Вилла, как и большинство других домов в этом пригороде, была покинута хозяевами. У нее имелись приятная терраса и колодец в саду, из которого мы добыли восхитительную холодную воду. Поскольку нам в тот момент делать было особенно нечего, я предложил своим штабистам воспользоваться заслоном и ополоснуться. Мы разделись и начали поливаться друг друга водой, словно пятнадцатилетние пажаны, и именно тогда, когда мы развлекались подобным образом, в воротах виллы неожиданно появился британский солдат. По-видимому, британцы тоже использовали эту виллу под штаб, и, я полагаю, этот солдат, не зная обстановки, прибыл в этот штаб с каким-то посланием. Не знаю, кто был в большей степени изумлен, он или мы, но, так или иначе, он осознал свою ошибку быстрее нас и быстро исчез. Это был последний британский солдат, которого я видел в ходе сражения за Крит...

РЕТИМНО

Рудольф Адлер (Rudolf Adler), 2-й ПП, 20 июня находился на борту одного из передовых транспортных самолетов:

Мы разглядели остров, и самолет пошел на снижение. Зенитки открыли огонь. Все завертелось в ускоренном темпе. Пули пробивали корпус самолета на уровне голов. Первые трое парашютистов упали на пол. Мы приблизились к двери: она была заблокирована телами убитых... Все кричали: «Прыгайте! Прыгайте!» Двигатель начал кашлять, самолет начал дымить. Невозможно думать об этом, но закрадывались мысли о том, как бы выжить... Сам не помню, как я покинул самолет.

Парашютисты распаковывают контейнер с медицинским снаряжением

21 июня, Периволия/Perivolia. Союзники атакуют закрепившихся в деревне парашютистов. вспоминает **Рудольф Адлер**:

Наступил рассвет, и танки [на самом деле, бронетранспортеры] медленно пошли вперед, сопровождаемые пехотинцами в светлом хаки. Мы остались в укрытии. Командир боевой группы, штабной фельдфебель, которого мы лично не знали, был наготове со своим пулеметом, я занял место у окна со своей винтовкой. Противник атаковал со стороны гор. Пулеметчик открыл огонь – он выпустил всего лишь несколько очередей, потому что у нас было не так много боеприпасов. Танки и пехота отступили. Еще несколько очередей из пулемета. Противник был от нас в 300 метрах.

Через два часа снова заработали минометы. Мы укрывались в маленьком домике, иногда за каменными оградами. В глубине виноградников их было много, и они несколько раз спасли мне жизнь... Минометный обстрел продолжался два часа, не нанося нам никакого ущерба – просто чудеса! Мы слышали, как танки и пехота томми быстро продвигаются вперед – представьте себе: 15 человек против 500. Наши храбрые пулеметчики стреляли в упор. Противник вел по нам огонь со всех сторон. Один из них получил пулю в голову и ту же скончался. Мой друг Зигфрид был ранен пулей, которая прошла через его таз. Я снял рубашку и привязал ее к винтовке, потом покинул позицию и сдался...

Томми подошли к нам с винтовками наперевес. Они забрали у нас оружие, их офицер предложил нам присесть на землю, достал сигареты и угостил нас. Я до сих помню, как дрожала его рука, когда он давал нам прикуривать...

Вот что увидел Адлер, когда их уводили в тыл:

Многие наши погибшие товарищи все еще свисали со своих парашютов. Они почернели, их тела раздулись от жары. Это было самым страшным из того, что я когда-либо видел...

После недели боев изолированный гарнизон сектора Ретимно был вынужден капитулировать, так и не дав немцам возможности захватить местный аэродром. Немцы обнаружили, что «австралийцы вовсе не впали в уныние. Они были дружелюбны и просто заявляли: «С нас этого хватит», словно только что уступили в спортивном состязании.» В беседе с «замечательным полковником [Кэмпбеллом, командующим группировкой союзников в Ретимно], немецкий майор заговорил о том, за что сражаются немцы и о том, что две родственные нации не должны воевать друг с другом. Кэмпбелл ответил спокойно и тактично: «Положение было безнадежным, но борьба будет идти до конца. Железный плуг Бога – война – должен вспахать землю, прежде чем прорастет семя будущего».

Ретимно. Парашютист охраняет пленных...

ИРАКЛИОН

Адольф Мюллер (Adolf Müller), 8-я Рота, 2-й Батальон, 1-й ПП, 20 июня:

Загорелась лампочка – будь готов к прыжку... Контейнер не положили так, как положено, чтобы быстро выбросить его. Время было потеряно, и мы оказались за запланированным участком высадки. Ну и дермо было под нами! Эта задержка спасла нам жизнь. Мало кто из 2-го Батальона остался в живых: они приземлились на проволочные заграждения и были скошены вражеским огнем.

Бои на этом участке не принесли немцам успеха: союзники стойко удерживали свои позиции, хотя в ходе отдельных атак парашютистам удавалось продвинуться вперед. О событиях 26 мая вспоминает гауптман Герхарт Ширмер (Gerhart Schirmer, 1913-2004, на фото слева), командир 2-го Батальона, 2-й ПП:

У генерала Штудента был тактический план. Он хотел выстроить пять оборонительных линий (Riegel): одну у аэродрома Малеме после его захвата, одну близ Ханьи у залива Суда, одну под Ретимно и по одной к западу и к востоку от Ираклиона. План был неплох, но разведка недооценила силы англичан, австралийцев и новозеландцев. Британцы превосходно замаскировали свои позиции, и разведка выдала лишь крайне неудовлетворительные данные. Кроме того, англичане, к сожалению, вооружили местное население Крита. Эти люди сражались в своих критских нарядах, что противоречило всем правилам ведения военных действий.

Мой батальон был должен был разместиться в 48-52 Ju-52. Части, которые должны были высаживаться в Ираклионе и Ретимно, вошли во вторую волну десанта... Из-за сильных проблем с запыленностью аэродромов, последовательность отправки частей нарушилась, и теперь я оказался первым. Мне пришлось оставить позади одну роту целиком. Перед отправкой у меня было совсем мало времени на то, чтобы проинструктировать командиров рот и решить, кто остается. Пока я делал все это, меня не покидало неприятное чувство, - как мне выполнить мою миссию почти без полутора рот из моих четырех?

Но нам повезло: ... в районе Ираклиона, где мы прыгали, едва ли вообще был какой-то огонь с земли. Однако не прошло много времени, и начались первые атаки, в основном, силами новозеландцев и австралийцев. 3-й Батальон 1-го Парашютного Полка атаковал Ираклион, но англичане обороняли его западные окраины самым превосходным образом. Там, на подходе к городу, была древняя стена высотой метров десять с немногими воротами, и ворваться в город было невозможно. Батальону пришлось отступить. На следующий день майор Шульц (Karl-Lothar Schulz, 1907-1972, на фото справа, командир 1-го Батальона) и я сняли одну роту с моего уже ставшего крохотным сектора и снова атаковали город. На этот раз нам удалось прорваться в него вдоль побережья. Однако встречный огонь был таким сильным, что нам пришлось отвести наши силы: пробиться к аэродрому возможности не было.

За этим последовали весьма ожесточенные бои. Англичане атаковали – мы контратаковали. Это было время непрерывных столкновений. Мы планировали перебросить горный полк в Малеме из Греции и с Пелопонесского полуострова, используя морской транспорт – небольшие катера, рыболовецкие суда, фактически, других судов для этого просто не было. Небольшая флотилия вышла в море, судов было около сотни, но английский Средиземноморский флот оказался между ними и островом, и множество этих судов было потоплено. Итальянские крейсера и эсминцы должны

были предоставить им прикрытие, но, когда подошли английские корабли, они развернулись и убрались в Италию. Так что никаких горных стрелков, которые должны были усилить нас, мы не увидели. Нам пришлось продолжать вести бои под Ираклионом самостоятельно. Это была невероятно трудная ситуация, поскольку мы несли очень тяжелые потери.

Флотилия из преимущественно реквизированных греческих каик с горными стрелками на борту (см. фото слева) действительно была перехвачена и рассеяна британскими кораблями. Вот что можно было прочесть об этом в немецком рапорте о случившемся:

Сильная группа вражеских надводных кораблей перехватила передовую группу судов малой Флотилии I, которая находилась на пути к мысу

Спата/Spatha. Флотилия растянулась, главным образом, из-за различной скорости судов. Их рассстреливали и таранили, и они рассеялись, не имея возможности обороняться.

Вспоминает фельдфебель **Гюнтер Керстенз (Günter Kerstens)** из 3-го Батальона 100-го Горного Полка:

На второй день пребывания на судне я больше не чувствовал себя больным, и мы уже приближались к месту назначения, к Криту, когда впереди появились лучи прожекторов и огонь открыли тяжелые орудия. Мы могли видеть в свете дульных вспышек, как к нам приближаются английские корабли. Суда и лодки, шедшие впереди нас, горели, потом пришла наша очередь. Лодка, которая была рядом с нами, взорвалась, потом сквозь дым я разглядел носовую часть английского корабля. Я не мог сдвинуться с места. Некоторые выпрыгнули за борт, но меня пригвоздило к месту, когда он налетел на нас. Судно треснуло, и его стало затягивать под этот большой корабль вместе со мной. Сделав последний выдох, я вынырнул на поверхность, чтобы увидеть, как корабль продолжает свой Götterdämmerung (буквально – гибель богов (нем.), также тотальное избиение и разрушение – ВК).

Весь следующий день я провел в воде, цепляясь за какие-то обломки, прежде чем меня подобрали. Английский флот не сделал ничего, чтобы спасти нас, – да будет он проклят!

Около 15 из 32 каик были потоплены, погибли 300-400 немцев, в основном, стрелки из 3-го Батальона. Погибло большое количество грузов для сражающихся парашютистов. Согласно немецкому рапорту, «итальянский эсминец отважно вступил в неравный бой и сумел выставить дымовую завесу». Разгром мог бы стать более полным, но благодаря усилиям командира эсминца *Lupo* Мимбелли (Francesco Mimbelli, 1903-1978, на фото слева) большому числу судов удалось скрыться.

Продолжает **Ширмер:**

Но в чем-то нам повезло. Относительно слабый батальон парашютистов был сброшен на наши позиции 25 мая. Этот батальон собрали с бору по сосенке из разных частей и подразделений. Это значительно усилило нас.

Я снова сел рядом с майором Шульцем – нам предстояло решить, что делать дальше. Нужно было продолжать добиваться своего. Мы начали продвижение на восток, оба батальона, двумя колоннами по одному, оставив позади ранее занимаемые позиции с очень небольшим числом людей. Потом повернули на юг, вышли прямо к подножию гор, а затем свернули налево, снова на восток. Мы обошли с юга Кноссос (городок к югу от Ираклиона и в 5 км от побережья – ВК), чтобы выйти к высоте Апекс (Арех, также Lion), расположенной непосредственно к югу от аэродрома Ираклиона. Мы хотели взять эту гору. Англичане все еще удерживали ее, хотя теперь не так упорно. Мы взяли ее, думаю, 28-го или 29-го. С этой высоты, с юга, мы хотели на следующий день атаковать аэродром, но, атака достигла цели, не встретив никакого сопротивления: все англичане погрузились на корабли и ушли. Аэродром был в наших руках, но наши силы почти иссякли.

На горе Апекс была небольшая арабская часовня, выкрашенная в белый цвет. Я вошел в нее, улегся и передал командование батальоном командиру одной из рот. Впервые за четыре дня я мог немного поспать. Я проспал несколько часов и, когда я проснулся, мне сказали, что английский флот обстрелял гору из 280-мм орудий, и некоторые снаряды падали метрах в 50 от часовни.

Это были тяжелые бои, но мы знали, что где бы мы ни столкнулись с англичанами, это будет честный бой. У нас была возможность, и на Крите тоже было так, послать своих парламентеров и договориться о перемирии, скажем, на час, чтобы каждая из сторон могла вынести своих раненых в укрытие и позаботиться о них. Что-то подобного рода было бы немыслимым в боях против русских...

Слева – немецкий солдат рассматривает трофейный танк Матильда/Matilda; справа – парашютисты обыскивают пленного британца

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вспоминает Фон дер Хайдте:

Генерал Штудент нанес нам визит почти сразу же после падения Ханьи. Неужели прошло уже 14 дней с того момента, когда я видел его в последний раз отдающим приказы в Афинах? Внешне он изменился. Он выглядел намного более мрачным, более сдержаным и постаревшим. По нему нельзя было сказать, что он радуется победе – своей победе – и гордится успехом своего дерзкого плана. Цена победы, очевидно, оказалась для него слишком высокой. Некоторые батальоны потеряли всех своих офицеров, в некоторых ротах уцелело всего лишь несколько человек...

... Сражение за Крит стало увертюрой к великой трагедии, которая достигла своего пика под [Эль-Аламейном](#) и под Сталинградом. Впервые нам противостоял храбрый и безжалостный противник на поле боя, которое благоприятствовало ему. В этом случае ситуация сложилась для нас неплохо, но казалось почти чудом, что наше грандиозное и полное рисков предприятие принесло успех. Как так случилось, я и по сей день не могу объяснить. Успех неожиданно пришел к нам в тот момент, когда, как это столь часто случается на войне, мы уже перестали верить в возможность его достижения.

Мое интервью с генералом Штудентом было кратким и предметным. Отвечая на его вопросы, я откровенно доложил о нашем опыте ... и рассказал о наших потерях. Когда я закончил, от крепко сжал мою руку и долго держал ее так. «Я благодарю вас,» - это было все, что он сказал, но его рукопожатия и этих трех коротких слов мне было достаточно.

Сражение за Крит окончилось очередной победой германского оружия, но досталась она дорогой, если не слишком дорогой ценой. Это мнение сложилось у многих простых солдат и офицеров и у представителей верхушки Третьего Рейха. **Адольф Штратх (Adolf Stratch)** из 2-го Батальона 2-го ПП написал в своем дневнике, что «эта победа была пустышкой в лучшем случае». 19 июля 1941 года во время награждения *Рыцарскими Крестами* отличившихся в боях в [Греции](#) и на Крите десантников (всего их было 25) Гитлер заметил в разговоре со Штудентом: «Конечно, вы знаете, что эпоха парашютных десантов подошла к концу. Успех этого оружия зависит от фактора внезапности, и этот фактор ушел в прошлое.» Генерал не согласился с этим, призвав идти дальше и готовиться к операциям в России и на Мальте...

Штудент, не получивший никаких наград за Крит, позднее писал: «Эта битва оставила горькие воспоминания. Я ошибся в расчетах, когда предложил это вторжение, повлекшее за собой такие потери в немецких воздушно-десантных частях, которые я сам же создавал... Было очевидно, что британцы оказались более крепкими бойцами, и были гораздо сильнее, чем мы думали, ... но в тот момент нам ничего не оставалось, как задержать дыхание и оставить руководство боевыми действиями в руках командиров сражающихся частей.»

В уже упомянутой беседе со Штудентом **Фон дер Хайдте** сказал генералу следующее: «Наши потери были вызваны множеством причин... Войска не имели опыта высадки с воздуха [в боевых условиях]. Для многих сражение за Крит стало первым боевым опытом, а для многих и первым десантированием при противодействии противника. Подготовка офицеров была недостаточно методичной, и их личная храбрость не стала достаточной компенсацией недостатка в знаниях. Но самым важным является тот факт, что на Крите мы в первый раз столкнулись с противником, который был готов сражаться до конца ...»

Рудольф Витциг: «Британцы мужественно обороняли свой остров. Они сделали все возможное, чтобы удержать Крит.» Воспоминания генерала **Юлиуса Рингеля (Julius Ringel, 1889-1967)**, командир 5-й Горной Дивизии, в которую входили его высадившиеся на Крите стрелки, не противоречат этому: «Упорная оборона противника могла привести к нашему поражению, если бы он правильно понял ситуацию с самого начала и использовал все свои наличные силы и ресурсы.»

Еще о потерях: стоит упомянуть такой пример - военная династия фон Блюхеров потеряла на Крите троих представителей. Это были братья: лейтенант Вольфганг фон Блюхер (Wolfgang Graf von Blücher), 24-хлетний ветеран боев в Голландии, командир 2-й Роты 1-го ПП, погибший под Ираклионом; ефрейтор Леберехт фон Блюхер (Leberecht Graf von Blücher), 19 лет и стрелок Ханс фон Блюхер (Hans-Joachim Graf von Blücher), 17 лет, его тело так и не было найдено (на фото слева – извещение в немецкой газете об их гибели). Говоря о потерях, генерал **Рингель** писал: «Это было за пределами человеческого понимания – это ошеломляло: видеть мертвых, тех, кто пожертвовал собой во имя Фатерлянда и завоевания Крита...»

Тяжелейшие потери понесли не только десантники. Потери транспортной авиации были столь чудовищными, что их так никогда и не удастся восполнить. Гитлер так и не решится санкционировать высадку воздушного десанта [на Мальту](#) через год после Крита, хотя этот остров был занозой в глазу у германского и итальянского командования из-за потерь, которые наносили базирующиеся на нем самолеты и подводные лодки идущим в северную Африку конвоям с грузами и войсками. Еще через полгода нехватка Ju-52 приведет к провалу попытки наладить воздушный мост в осажденный Сталинград.

Тем не менее, **Фон дер Хайдте** не был согласен с тем, что следует отказаться от масштабных операций подобного рода: «С другой стороны, германские парашютисты продемонстрировали, что можно осуществить крупномасштабную воздушно-десантную операцию, в которой парашютисты будут нацелены не только на поддержку наземных сил, но сами по себе будут готовы решить уникальные и самостоятельные стратегические проблемы. Они показали, что достижимым является вторжение на остров размежом с одну пятую Швейцарии и захват его силами воздушного десанта несмотря на господство противника на море... Гитлер и его военные советники не сделали правильных выводов из критского опыта. Они видели только потери, но не причины этих потерь или возможности, открывающиеся в будущем.» Однако более чем 60 лет спустя активный участник событий – **Рудольф Витциг** – был согласен с Гитлером: «Мы не могли рассчитывать на то, что достигнутая [при Эбен-Эмале и на Альберт-канале ([десантная операция в ходе вторжения в Голландию в 1940 году – ВК](#))] степень внезапности повторится еще где-то в ходе войны. Нужно быть готовым к тому, что противник будет начеку... Именно это тогда и случилось. Атака на Крит наших воздушно-десантных сил не застала англичан врасплох. Они в точности знали, что запланировано, не знали только, где будут высаживаться аэромобильные и парашютные части. Они знали, что им придется столкнуться и с теми, и с другими. Элемента внезапности не было.»

Так или иначе, формирование и обучение германских воздушно-десантных частей не прекратилось, однако в будущем они будут сражаться преимущественно как обычная пехота. Элитный офицерский и унтер-офицерский состав, на подготовку которого ушли годы, понес слишком большие потери в мае 1941 года, и на подготовку новых кадров уже не хватало средств и времени... Надо сказать, парашютисты и в будущем будут демонстрировать спаянность и высокие боевые качества во многих эпизодах, среди которых стоит упомянуть оборону [Монте-Кассино](#), бои в Нормандии ([1](#), [2](#), [3](#)), [под Арнемом](#) и на Рейне. Последней операцией, в который был выброшен крупный воздушный десант, было наступление в Арденнах – 17 декабря в тяжелых зимних погодных условиях за линию фронта было высажено [около 1 000 парашютистов](#). Но это были плохо подготовленные люди, и они не решили ни одной из поставленных перед ними задач, понеся огромные потери. Сам командир этой группы – Фридрих Фон дер Хайдте, при этом попал в плен.

В воспоминаниях **Фон дер Хайдте** о Крите есть и сентиментальные строки:

Когда закончились бои, одной из наших главных задач стал сбор тел погибших и их захоронение. Я приказал заложить общее кладбище у дороги между Аликианосом и Ханьей, рядом с тем местом, где была остановлена моя первая рота, кладбище для погибших из моего батальона и убитых британцев и греков, которые противостояли нам.

При входе на кладбище был воздвигнут большой крест. С одной стороны его пьедестала были высечены следующие слова: «В этих оливковых рощах и на высотах Периволии люди 1-го Батальона 3-го Парашютного Полка сражались, побеждали и погибали.» Справа и слева от этой надписи на металлических табличках были выгравированы имена погибших, а на обратной стороне пьедестала была высечена следующая надпись: «В бою против Батальона отважно погибли за Короля и Отечество

сто пятьдесят шесть военнослужащих следующих британских полков.» Ниже были указаны названия частей, в составе которых воевали против нас британцы. Когда погибшие были похоронены, я пригласил британских офицеров, которые сражались в нашем секторе боев и были взяты нами в плен, посетить освящение мемориала. Выжившие в боях солдаты и офицеры моего батальона прошли по кладбищу церемониальным маршем. Я выступил перед ними на немецком, потом добавил несколько слов на английском. Старший из британских офицеров выступил с ответным словом. В тот момент мы считали друг друга не врагами, а друзьями, которые были побеждены единой для всех безжалостной судьбой...

В тот вечер часовой, охранявший мой штаб, доложил, что пришла молодая греческая женщина и выразила желание переговорить со мной. Я автоматически вспомнил [Ариадну](#), но у этой молодой женщины не было при себе меча. Она принесла с собой большой букет белых цветов, который попросила меня возложить на могилы немецких, британских и греческих солдат, похороненных на этом кладбище...

Примечание

❖ Фридрих фон дер Хайдте - кавалер Железных Крестов 1-й и 2-й степеней, Германского Креста в Золоте и Рыцарского Креста с Дубовыми Листьями. Был взят в плен американцами в Арденнах 23 декабря 1944 года. После войны – известный политик в рядах Христианско-Социального Союза

Источники

Tim Saunders. Crete: The Airborne Invasion. 1941. 2008

IMAGES OF THE WAR. 1939-1845. Balkans and Crete. October 1940 to May 1941. Issue 6, Vol. 1

The Mammoth Book of HOW IT HAPPENED. WORLD WAR II. Edited by Jon E. Lewis. London, 2002

Gilberto N. Villahermosa. Hitler's Paratrooper: The Life and Battles of Rudolf Witzig. 2015

<https://apps.dtic.mil/sti/pdfs/ADA614398.pdf>

https://warsstories.files.wordpress.com/2020/08/richard_statetzny_rus-1.pdf

<https://s3-ap-southeast-2.amazonaws.com/awm-media/collection/RCDIG1070150/document/5519476.PDF>

https://en.wikipedia.org/wiki/Von_B%C3%BCcher_brothers

Перевод, компиляция, дополнения – Владимир Крупник

Возврат к главной странице www.warsstory.org